

Полисемия в выражении семантических ролей в западных индоарийских языках (хинди-урду, панджаби, раджастхани, гуджарати)

В работе Heine et al (1991) была предложена модель однонаправленного развития метафоризации при выражении падежных отношений в языках мира. В обобщенном виде описанная Heine цепь метафоризации может быть представлена тремя основными концептуальными звеньями: источником метафоризации служат пространственные отношения (spatial relations), за ними следует область человеческих отношений (human relations), далее абстрактные (не пространственные) концепты (inanimate relations). Для концептуального комплекса «человеческие отношения» предлагалось следующее направление метафоризации: падежи, маркирующие агенс, комитатив, бенефактив – датив и посессив - падежи цели и инструмента. Heiko Narrog (2014) переформулировал гипотезу Heine в терминах семантических ролей и, кроме того, описал такие отклонения от однонаправленной цепочки, при которых синкретизм выражения разных семантических ролей детерминируется не семантической мотивированностью, лежащей в основе метафорических переносов, а синтаксической структурой языка.

В докладе на материале западных индоарийских языков будет рассмотрена как семантически, так и структурно мотивированная полисемия при выражении семантических ролей. Структурно мотивированный синкретизм в выражении агенса и пациенса составляет отдельную большую проблему и здесь рассматриваться не будет. Исследование исторической эволюции западного индоарийского проводилось на основе анализа текстов на старом гуджарати-раджастхани и панджаби 15–20 вв.; описание современных языков строилось при опоре на тексты художественной литературы и на данные, полученные от информантов. Метафорическая основа описываемых ниже переносов изложена в Heiko (2014).

Перенос значения из *первой в третью* концептуальную область (пространственные отношения → абстрактные концепты) представлен во всех описываемых языках тривиальными случаями полисемии: (1) начальная точка в пространстве → во времени; (2) источник → причина.

Полисемия значений *первой и второй групп* (пространственные → человеческие отношения) более разнообразна. Здесь выделяются: (1) начальная точка/ источник → эргативный агенс (выражающиеся отлично от инструмента). Такая полисемия некоторое время существовала в старом панджаби; (2) начальная точка/ источник → агенс пассивного предложения (во всех описываемых языках); (3) начальная точка/источник→медиатор/посредник (в каузативных конструкциях хинди, панджаби, раджастхани); (4) локус → посессор (во всех анализируемых языках, при этом отчуждаемая принадлежность выражается послелогами семантики «рядом», «около», а обладание какими-либо физическими или интеллектуальными качествами – послелогами со значением «внутри»); (5) локус → медиатор/посредник (в каузативных конструкциях гуджарати).

Метафорические переносы из *второй в третью* группу (человеческие отношения → абстрактные концепты) немногочисленны. К ним можно отнести существующий в исследуемых языках перенос бенефактив → цель.

Наибольшее количество внутренних метафорических переносов наблюдается в концептуальном поле «человеческие отношения». К ним относятся: (1) реципиент →

экспериенцер (выражаются во всех рассматриваемых языках при помощи дативно-аккузативных послелогов); (2) агент → посессор (при генитивном оформлении агента в атрибутивно используемых результативных причастиях); (3) реципиент → агент в большинстве конструкций долженствования во всех описываемых языках); (4) эргативный агент → агент в некоторых конструкциях долженствования панджаби, хинди и гуджарати; (5) реципиент → пациент. Метафорическая основа переносов в случаях (4) и (5) будет отдельно рассматриваться в докладе.

Специального рассмотрения заслуживает полисемия, связанная с ролью инструмента. Если перенос маршрут → инструмент (в хинди-урду) вполне соответствует предложенному Heine направлению метафоризации, то метафора инструмент → агент (эргативный агент в гуджарати, пассивный агент в хинди) противоречит гипотезе Heine. Согласно Luraghi (2001), данный перенос является метонимическим, так как оба концепта находятся в отношениях смежности.

Распространенное среди типологов и индологов мнение о том, что эргативный агент диахронически восходит к агенту пассивной конструкции, требует уточнения. Эргативная конструкция в новоиндийских языках развилась не из пассива, но из конструкции с пассивным причастием, в которой, начиная с протоиндоевропейского состояния, проявлялись черты эргативного синтаксиса. Эта конструкция не входила в залоговые оппозиции и имела скорее результативное значение; при этом эргативный и пассивный агент, а также инструмент маркировались одинаково. К концу среднеиндийского периода конструкции с пассивными причастиями вытеснили из перфективной сферы все финитные формы. Полисемия эргативного агента и инструмента была важной структурной характеристикой всех описываемых языков на «пике» развития эргативности. Она сохранилась в современных гуджарати и маратхи, но не в хинди-урду и панджаби, где эргативный агент предполагает специальный послелог *ne*, происхождение которого вызывает много споров. - По одной из версий, он был заимствован из старого раджастхани, где оформлял реципиент и пациент, но семантические основания для такого заимствования представляются сомнительными. В некоторых идиолектах современных носителей раджастхани послелог *nai* служит маркером и для эргативного агента, и для пациента даже внутри единой клаузы. Однако более распространенной является ситуация, наблюдаемая в хараути (восточном раджастхани), где в составе единой клаузы послелог *nai* оформляет либо только агент, либо только пациент. Возможность/невозможность одинаково маркировать разные семантические роли в пределах одного предложения является самостоятельной проблемой, которая будет частично рассмотрена в докладе. Так, в единой клаузе гуджарати могут присутствовать идентично маркированные инструмент и эргативный агент, однако одинаковое оформление в одной клаузе реципиента и пациента не допускается всеми описываемыми языками.

Цитируемая литература:

- Heine, Bernd, Claudi, Ulrike & Hünemeyer, Friederike.* 1991. Grammaticalization. A Conceptual Framework. Chicago, IL: Chicago University press.
- Luraghi, Silvia.* 2001. Some remarks on instrument, comitative and agent in Indo-European. *Sprachtypologie und Universalienforschung* 54 (4): 385-401
- Narrog, Heiko.* 2014. The grammaticalisation chain of case function. Extension and reanalysis of case marking vs. universal grammaticalisation. *Perspectives on Semantic Roles.* Silvia Luraghi & Heiko Narrog (ed.), John Benjamins Publishing Company.